

ИСТОРИЯ

DOI 10.24412/2223-0564-2023-2-8-16

Н.Н. Назаренко, Н.В. Коршунова

УДК 94(47)

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА
1932–1933 ГОДОВ

Аннотация

Проведена оценка естественного движения населения в период голода 1932–1933 гг. в Башкирии. Тренд падения рождаемости с середины 1920-х гг. в Башкирии, вероятно, связан с процессами демографического перехода и объясняется социальными причинами. Динамика смертности конца 1920-х – начала 1930-х гг. в Башкирии имеет черты циклической. Неполного охвата населения системой учета в Башкирии в 1933 г. не было, однако был недоучет сельского населения около 10%. С поправкой на недоучет в Башкирии в 1933 г. родилось 8665 чел. в городах и 99393 на селе, а умерло – 11283 и 58951 чел., соответственно. Естественный прирост населения Башкирии в 1933 г. был 37,8 тыс. чел. за счет сел, в городах была убыль 2,6 тыс. человек. Не отмечен искусственный характер голода, а высокая рождаемость на селе и смертность в городах мигрантов указывает на высокую миграционную активность и подтверждает демографическую катастрофу в городах. В период голода 1932–1933 гг. практически по всей Башкирии на селе была высокая для 1933 г. рождаемость, большая часть районов характеризовалась повышенной смертностью, которая во многом может быть вызвана не голодом, а эпидемическими причинами. Демографический кризис и катастрофа в 1932–1933 гг. в сельской Башкирии не определяются. Демографические потери от снижения рождаемости в 1933–1934 гг. составили 50 тыс. человек, а превышение смертности – 19,5 тыс. чел. максимум, что может указывать на локальный голод только в отдельных районах.

Ключевые слова: голод 1932–1933 гг., рождаемость, смертность, естественное движение населения, демографические потери, Башкирия, Южный Урал

*Nazar N. Nazarenko, Nadezhda V. Korshunova*NATURAL MOVEMENT OF THE POPULATION OF BASHKIRIA
IN THE PERIOD OF FAMINE OF 1932–1933

Abstract

An assessment was made of the natural movement of the population during the famine of 1932–33 in Bashkiria. The trend of birth decrease since the mid-1920s in Bashkiria was probably associated with the processes of demographic transition and is explained by social reasons. Dynamics of mortality in the late 1920s – early 1930s in Bashkiria has cyclic features. There was no incomplete coverage of the population by the registration

Назаренко Назар Николаевич, доктор биологических наук, профессор, кафедра химии, экологии и методики обучения химии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: nnazarenko@hotmail.com

Nazar N. Nazarenko, Dr. Sci. (Biology), professor, Chemistry, Ecology and Chemistry Methodology Department, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: nnazarenko@hotmail.com

Коршунова Надежда Владимировна, доктор исторических наук, декан, исторический факультет, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: korshunovanv@cspu.ru

Nadezhda V. Korshunova, Dr. Sci. (History), Dean, History Faculty, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: korshunovanv@cspu.ru

system in Bashkiria in 1933, but there was an underestimation of the rural population of about 10%. Adjusted for underestimation, 8,665 people were born in Bashkiria in 1933 in cities and 99,393 in the countryside, and 11,283 and 58,951 people died, respectively. The natural increase in the population of Bashkiria in 1933 was 37.8 thousand people due to the villages, in the cities there was a decrease of 2.6 thousand people. The artificial nature of the famine was not noted, and the high birth rate in the countryside and the death rate in the cities of migrants indicate a high migration activity and confirms the demographic catastrophe in the cities. During the famine of 1932–1933 practically throughout Bashkiria, the countryside had a high birth rate for 1933, most of the regions were characterized by increased mortality, which in many respects could be caused not by famine, but by epidemic causes. Demographic crisis and catastrophe in 1932–1933 in rural Bashkiria are not determined. Demographic losses from the decline in the birth rate in 1933–1934 amounted to 50 thousand people, and the excess of mortality – 19.5 thousand people. maximum, which may indicate local famine only in certain areas.

Key words: famine of 1932–1933, birth rate, mortality, vital rate population data, demographic losses, Bashkiria Republic, South Ural

В современной российской историографии указывается, что голод 1932–1933 гг. поразил зернопроизводящие районы СССР, к которым относилась и Башкирская АССР [11, с. 50, 67, 106]. Влияние голода на демографическую ситуацию в Башкирии в историографии рассматривается неоднозначно.

Н.А. Ивницкий указал на тяжелое положение с продовольствием в Стерлитамакском, Аргаяшском и Кунашакском (ныне Челябинской области) районах и массовое опухание и смерти в Дуван-Мечетлинском районе Башкирии [8, с. 233], но без оценок потерь. «Излишнюю смертность» по Уралу без выделения Башкирии отметил С.А. Нефедов [17, с. 47]. Р. Дэвис и С. Уиткрофт указали Башкирию как «сильно пострадавшую» от голода, но также без оценок [6, с. 417]. По их данным, смертность в Башкирской АССР в 1932 г. была ниже, чем в 1930 г., а в 1933 г. уровень предыдущих лет превышала незначительно [28]. С. Уиткрофт писал о смертности в Башкирии в 1933 г. 22 на 1000 населения, что было на уровне севера РСФСР вне ареала голода [25, с. 752]. В.В. Кондрашин дал обобщенные потери от голода по Поволжью и Южному Уралу [12, с. 324–325], но для Урала анализируется только территория Оренбуржья, входившего в Средне-Волжский край. Башкирия в разделе о географии голода не упоминается [12, с. 259–277]. Не упоминаются им исследования по Башкирии в историографии голода 1932–1933 гг. [10]. В сборнике документов под его редакцией приведены сообщения о питании суррогатами опухания и смерти от голода в Дуван-Мечетлинском, Стерлитамакском, Аргаяшском и Кунашакском, Белебеевском, Карагушевском, Давлекановском и Караидельском районах весной 1933 г. [4, с. 564–568]. В.Б. Жиромская включила Южный Урал в ареал голода, но без оценок потерь в Башкирии [7]. Южный

Урал как ареал «голодомора» указан в монографии «Население России в XX веке», также без оценок по Башкирии [16, с. 265–276]. Наконец, американско-украинские авторы насчитали в Башкирии в 1932–1934 гг. 12,9 на 1000 населения «потерь от голода» [29, р. 7].

Однако Е.М. Андреев с соавторами Башкирскую АССР не указали как регион с убылью населения в 1933 г. [2, с. 49]. Е.А. Осокина привела убыль только городского населения Башкирии (2,4–2,6 тыс. чел.) и естественный прирост на селе (35,9–40 тыс. чел.) [18, с. 19–20].

В историографических [13] и демографических [26] обзорах башкирских исследователей о голоде 1932–1933 гг. не упоминается. Р.А. Давлетшин указал, что в 1933 г. от голода пострадали Аргаяшский, Белокатайский, Зианчуринский, Кунашакский, Мечетлинский и Хайбуллинский районы Башкирии [5, с. 119]. Эти же данные приводятся в «Истории башкирского народа» [9, с. 279]. На сокращение численности сельского населения Башкирии в период 1930–1937 гг. по причине голода 1932–1933 гг. указала А.Ф. Чишкова, однако оценки потерь от голода не приведены [27, с. 136–137].

Таким образом, вопрос естественного движения населения в Башкирии в период голода 1932–1933 гг. требует детальных исследований, в связи с оценками потерь от голода на Южном Урале и упоминаемых фактах голодания в районах республики. Задачей данной работы является оценка региональных особенностей естественного движения населения Башкирии в период голода 1932–1933 гг.

Методологической основой работы являются общенаучные принципы историзма, научного сравнения, анализа и синтеза, метод типологизации и демографо-статистические методы. Для визуализации и региональной оценки

использовались методы геоинформационного картографирования [30], с оценкой, принятой нами для Нижнего Поволжья [14, с. 197].

Первичный учет рождаемости и смертности велся в местных советах загсами, ежемесячные отчеты которых сводились как конъюнктурные данные (форма А [22, л. 141–143]), также велись годовые разработки (форма 1-а [21, л. 91–92]). Неполнота охвата оценивается сопоставлением числа советов с числом загсов, а неполнота учета – по присланным отчетам (загсо-месяцы, максимальное число которых равно числу загсов, умноженному на 12 месяцев), и сопоставлением численности фактически охваченного загсами и зарегистрированного населения. Сопоставление отчетов позволяет дать оценку рождаемости и смертности с поправками на недоучет в пик голода (табл. 1).

В Башкирской АССР на 1 января 1934 г. было 16 городских загсов, которые обслуживали 315851 человек среднегодового населения [22, л. 142]. В 1-а число загсо-месяцев соответствует

18 загсам, численность населения – 323367 (по нашим подсчетам – 311404) чел. [21, л. 92]. На 1 января 1933 г. числилось 5 горсоветов с населением 314,9 тыс. человек [1, с. 54–55]. Таким образом, неполноты охвата городского населения не было.

Не было отчетов по Баймаку, Тукану и Черниковке [22, л. 142 об.]. В 1-а есть данные по Тукану и Черниковке, но 5% недоучета по п. Чишмы и Стерлитамаку [21, л. 92] и нет данных по Баймаку.

Количество сельских загсов – 1246 с населением 2438172 чел. [22, л. 141] (2549432 по 1-а [21, л. 92]), что сопоставимо с официальными данными – 1217 сельсоветов и 2600,9 тыс. человек [1, с. 54–55]. В течение года не было данных по Кигинскому, Абзелиловскому и Баймакскому районам и по 35 загсам еще 5 районов. В 1-а Баймакского района нет, а по сельской местности недоучет 10%. Районы с высоким недоучетом – Кармаскалинский (46%), Макаровский (43), Абзелиловский (42), Дуванский (32).

Таблица 1. Естественное движение населения (чел.) Башкирии в 1933 г.

	Форма А		Форма 1-а		На 1000 населения ²
	отчет	с поправкой ¹	отчет	с поправкой ²	
Рождаемость					
города	7816	-	7963	8665	26,8
село	73168	89878	88225	99393	38,6
местного	80984	97694	96188	108058	37,2
неместного	-	-	1488	-	-
сумма	-	-	-	109546	-
Смертность					
города	10804		10363	11283	34,9
село	45198	56109	52324	58951	22,9
местного	56002	66913	62687	70234	24,3
неместного	-	-	2851	-	-
сумма	-	-	-	73085	-
Естественный прирост					
города	-2988	-	-2400	-2618	-8,1
село	27970	33769	35901	40442	15,7
местного	24982	30781	33501	37824	24,3
неместного	-	-	-1363	-	-
сумма	-	-	-	36461	-

Примечание. Составлено и рассчитано авторами [21, л. 91–92; 22, л. 41–143];

¹ – рассчитано БашУНХУ, ² – рассчитано авторами

Таким образом, неполного охвата населения в Башкирии в 1933 г. не было, разница объяснима миграциями и оценками на разный отчетный период. С учетом реалий того времени, учет был достаточно точный.

Согласно годовым отчетам БашУНХУ, в республике в 1933 г. в городах родилось 7963, а умерло 10363 человека, на селе – 88225 и 52324, соответственно (табл.). Эти данные без поправки на недоучет попали в динамические ряды в связи с переписью 1937 г. [24, л. 31]. Башкирские статистики исказили показатели рождаемости и смертности, рассчитав их по обслуживаемому населению, а не учтенному. Рассчитанная смертность по городам – 33,3, а фактически она выше – 34,9, по селам – ниже (23,6 и 22,9), убыль населения в городах и прирост на селе тоже занижены.

С учетом общей рождаемости в Башкирии в Баймаке (11,5 тыс. населения) по нашим оценкам родилось 310, а умерло 410 человек, в районе (26,9 тыс.) – 1040 и 620 человек, соответственно. С поправкой на недоучет родилось в городах Башкирии 8665 чел. и 99393 на селе (всего – 108058), а умерло – 11283 и 58951 (70234). Это почти совпадает с расчетами советских статистиков на 1935 г. [20, л. 14]. Естественный прирост населения Башкирии в 1933 г. был 37824 за счет сельского населения, в городах была убыль населения около 2,6 тыс. человек. Убыль в Уфе – 2,7 тыс., Стерлитамаке – 117, Белебее 105 и Бирске 36 чел., в остальных городах был положительный естественный прирост.

Еще одной проблемой оценок потерь в период голода 1932–1933 гг. является учет рождаемости и смертности мигрантов и лиц с неустановленным местом проживания. В 1-а они учтены отдельно. В городах родилось 417 детей мигрантов (239 с неизвестным местом жительства), а умерло – 2376 неместных (1195 неизвестных), из них в Уфе – 2032 (971 неизвестных). Смертность в городах мигрантов подтверждает демографическую катастрофу городов. Также высочайшая смертность в городах указывает на отсутствие искусственности голода 1932–1933 гг. по социальным причинам (крестьяноцид). Неопознанные умершие были учтены, поэтому аргументация высоких потерь от голода «неопознанными трупами» несостоятельна. Высочайшая смертность неместного населения в городах указывает на высокую миграционную активность, а описываемые в работах по голоду 1932–1933 гг. миграционные ограничения, скорее всего, преувеличены.

В башкирских селах родилось 1071 детей мигрантов (1007 с неустановленным местом жительства), а умерших – 475 (459). Вероятнее всего, это мигранты из близлежащих голодающих районов, что также указывает на преувеличение в историографии миграционных ограничений.

С поправкой на мигрантов (табл.) в Башкирии в 1933 г. родилось 110, а умерло 73 тыс. человек с естественным приростом 37 тыс. человек.

Рождаемость в Башкирии в 1932 г. снижалась, упав к апрелю почти в два раза (рис. 1, А), как в городах, так и селам. Что было и в Поволжье [14, с. 196; 15, с. 187]. Также в городах и селам Башкирии были сезонные летние и резкий январский 1933 г. пики рождаемости, характерные для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Смертность 1932–1933 гг. в башкирских городах отличается от соседних регионов Поволжья и Оренбуржья.

Рождаемость и смертность, фактически, компенсируются – небольшое превышение смертности над рождаемостью было только в апреле – октябре 1933 г., что уже скомпенсировано предыдущим приростом. Это можно объяснять проблемами продовольственного обеспечения [3], но подобная динамика характерна и для стабильных и устойчивых «волновых» популяций. Суммарно превышение смертности 1933 г. над предыдущим годом в городах – около 2,5 тыс. человек. Пик смертности в городах мая 1933 г. можно объяснить голодом, но пик августа – сентября 1933 г. голодом не объясняется, а имеет, скорее всего, эпидемические причины.

В Башкирских селах в 1932–1933 гг. смертность не превышала рождаемость, но динамика смертности сопоставима с сельской смертностью соседнего Поволжья и Оренбуржья [15, с. 187]. Число умерших выросло с января 1933 г. и было высоким до ноября с февральским и резким августовским пиками и снижением в апреле – июне. Но в январе 1932 г. смертность на селе была сходной, кроме того, был августовский пик 1932 г., когда смертность выросла до схожих показателей. Такая цикличность больше объясняется сезонной заболеваемостью, особенно августовские пики. Если за основу взять среднюю смертность 1932 г., то январско-октябрьское превышение смертности 1933 г. составляет 17 тыс. человек, что, вероятнее всего, и будет максимальными прямыми потерями Башкирии от голода, но нельзя исключать, что часть этих потерь вызвана сезонной заболеваемостью.

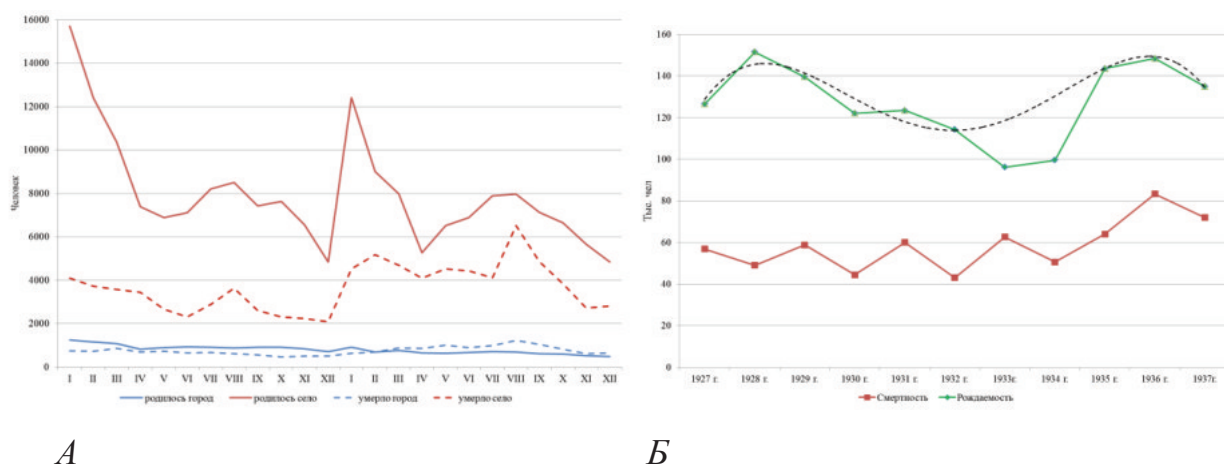

Рисунок 1 – Динамика рождаемости и смертности в Башкирии в 1932–1933 гг. [20, л. 81, 86; 23, л. 29] (А) и в 1927–1937 гг. [24, л. 15–25] (Б), пунктир – тренд рождаемости без учета 1932–1934 гг.

Оценка демографических процессов является неполной без учета динамики рождаемости и смертности за период 1927–1937 гг. (рис. 1, Б). Тренд падения рождаемости с середины 1920-х гг. в Башкирии схож с поволжским, как и на Нижней Волге «яма» рождаемости была в 1933–1934 гг., после чего рождаемость вернулась на уровень конца 1920-х гг. С.А. Нефедов [17, с. 58] выделил причины падения уровня жизни на селе, связанные с коллективизацией, раскулачиванием и репрессиями и, отдельно, социальные причины, связанные с ростом миграций, легализацией абортов, эмансипацией женщин, ростом грамотности, распадом традиций на селе в результате пропаганды. Мы полагаем, что имели место социальные факторы, поскольку падение уровня жизни обычно вызывает рост смертности, которого не было до 1935 года. Тренд рождаемости без учета 1932–1934 гг. (рис. 1, А пунктир) показывает, что в 1933 г. возможное снижение рождаемости от голода было 20 тыс., а в 1934 г. – 30 тыс. человек.

Смертность в Башкирии в 1927–1935 гг. колебалась с периодом 2 года в диапазоне 40–60 тыс. чел. без тенденции к росту до 1935 года (рис. 1, Б). Такая периодическая динамика может быть связана с эпидемиями инфекционных заболеваний, которые на Южном Урале определялись социально-экономическими причинами [19]. Пик смертности 1933 г. идентичен пикам 1929, 1927 и 1931 гг., и, вероятно, также во многом вызван заболеваемостью, а не голодом.

Рождаемость в районах (рис. 2, А) не имеет зональности или географической приуроченности – практически по всей Башкирии на селе

она в 1933 г. была высокая (более 30 на 1000 населения), за исключением нескольких районов. Самая низкая рождаемость была в Кунашакском (23,5) и Аргаяшском (26,1) районах (анклав в Уральской, с 1934 г. Челябинской области).

Анализ смертности (рис. 2, Б) показывает некоторую зональность. Часть районов с самой низкой смертностью были расположены в зауральском пограничье с Уральской (с 1934 г. Челябинской) областью и Средне-Волжским краем (Оренбуржье), что требует отдельного исследования.

В Башкирии нет районов демографического кризиса (как у Оренбурга) и катастрофической смертности как в Нижнем Поволжье. В большей части районов смертность повышенная, но гораздо меньше, чем в поволжском очаге. Только в 9 районах смертность превышала 30 на 1000 населения, а наибольшая была в Бирском (38,7), Мечетлинском (37,4) и Кармаскалинском (35,9) районах.

В целом, Башкирия в 1933 г. не характеризуется демографическим кризисом. Не определяется подобный Оренбургскому локальный очаг кризиса у Уфы (смертность в районе была 32,4 при высокой 45,2 рождаемости). Только два района характеризуются естественной убылью сельского населения – Дуванский (-0,6) и Аргаяшский (-3,6).

Таким образом, в Башкирии в 1933 г. система учета населения работала с проблемами, но в целом учет был достаточно точный. Недоучет городского населения был 5%, а сельского – 10%, отсутствуют данные по Баймакскому району. Башкирскими загсами учитывались родившиеся

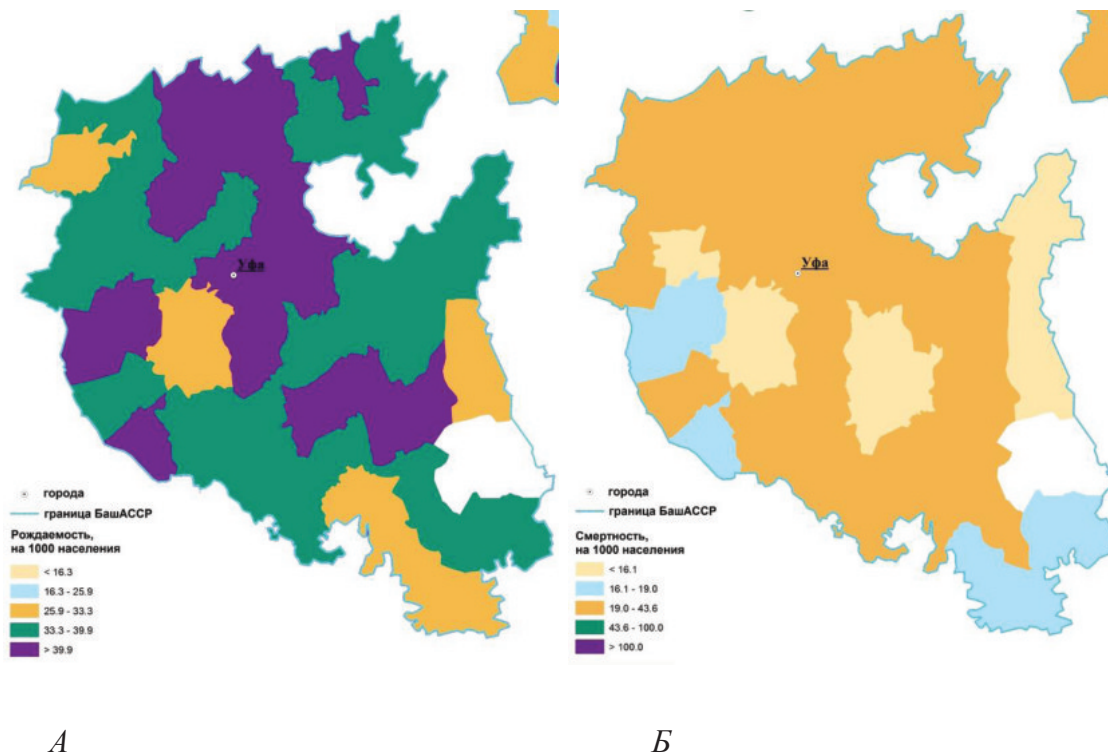

Рисунок 2 – Рождаемость (А) и смертность (Б) сельского населения Башкирии (на 1000 чел.) в 1933 г.

и умершие мигранты, лица с неизвестным местом жительства и неопознанные лица.

Всего в Башкирии в 1933 г. с поправкой на недоучет родилось 8665 чел. в городах и 99393 на селе, а умерло – 11283 и 58951 чел., соответственно. Естественный прирост населения был 37824 за счет сел, в городах была убыль населения около 2,6 тыс. (преимущественно, за счет Уфы). В городах Башкирии родилось 417 и умерло 2376 неместных (большинство умерших в Уфе), а в селах – 1071 и 475 неместных, соответственно.

Высокая смертность в городах Башкирии указывает на демографическую катастрофу городского населения 1933 г. и на отсутствие искусственности голода 1932–1933 гг. по социальным причинам. Высокая смертность неместных в городах и высокая рождаемость их на селе указывает на высокую миграционную активность, а описываемые в работах по голоду 1932–1933 гг. миграционные ограничения, скорее всего, преувеличены.

Тренд падения рождаемости с середины 1920-х гг. в Башкирии объясняется социальными причинами. В Башкирии была «яма» рождаемости в 1933–1934 гг., после чего рождаемость вернулась на уровень конца 1920-х годов.

Смертность в Башкирии в 1927–1935 гг. имеет циклическую динамику, что может быть связано с эпидемиями инфекционных заболеваний.

Рождаемость в Башкирии резко снизилась с начала 1932 г. почти в два раза, как в городах, так и на селе. В городах рождаемость и смертность в 1932–1933 гг. компенсируются, небольшое превышение смертности было только в апреле – октябре 1933 г. В башкирских селах в 1932–1933 гг. смертность не превышала рождаемость, но с января до ноября 1933 г. смертность была высокой. Динамика смертности имеет черты циклической. Пик смертности в селах в феврале и в городах в мае 1933 г. может быть вызван голодом, но более сильный пик августа – сентября 1933 г., скорее всего, имеет эпидемические причины.

Практически по всей Башкирии на селе была высокая для 1933 г. рождаемость, большая часть районов характеризовалась повышенной смертностью, но демографический кризис и катастрофа не определяются.

Таким образом, в Башкирии голод 1932–1933 гг. был локальным, затронувшим отдельные районы республики. Потери от превышения смертности в 1933 г. составляет около 19,5 тыс. человек, однако они могут быть вызваны

и эпидемическими причинами. Демографические потери от снижения рождаемости в 1933–1934 гг. составили около 50 тыс. человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). М.: Власть советов, 1934. 359 с.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 139 с.
3. Антошкин А.В. Недостатки и нарушения в системе рабочего снабжения Башкирии в первой половине 1930-х гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 17. № 1. С. 13–17.
4. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2. М.: МФД, 2012. 912 с.
5. Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап, 1993. 160 с.
6. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011. 543 с.
7. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3. М.: МФД, 2013. С. 651–662.
8. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 288 с.
9. История башкирского народа. В 7 т. Т. 5. Уфа: Гилем, 2010. 468 с.
10. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в Российской Федерации // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 257–282.
11. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
12. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2018. 566 с.
13. Кульшарипов М.М., Багаутдинов Р.О., Юсупов Р.Г. Анализ башкирской истории в контексте советской идеологии: попытка реанимации // Проблемы востоковедения. 2020. №4 (90). С. 16–20.
14. Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. №2. С. 189–199.
15. Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Волго-Вятского региона, Средней Волги и Оренбуржья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. №4. С. 177–192.
16. Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М.: Росспэн, 2000. 463 с.
17. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с.
18. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
19. Ризванова Т.Р. Социально-экономические причины распространения эпидемий на Южном Урале в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №28 (166). С. 81–85.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18.
22. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256.
25. Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934. Т. 3. М.: МФД, 2013. С. 719–771.
26. Хилажева Г.Ф., Галин Р.А., Шамсутдинова Н.К., Утяшева И.Б. Развитие демографических исследований в Республике Башкортостан // Вестник Академии наук РБ. 2017. Т. 24. № 3 (87). С. 63–72.
27. Чишкова А.Ф. Темпы урбанизации населения Башкортостана в 1919 – 1939 гг. (по материалам переписи населения) // Проблемы востоковедения. 2009. №3 (45). С. 131–139.
28. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>
29. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia // Nationalities Papers. 2020. P. 1–21.
30. Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. 2013. P. 11–12.

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'noe delenie Soyuznaya SSR (na 15 iyulya 1934 g.)*. [Administrative and territorial division of Union of SSR (at the 15 July 1934 year)]. Moscow: Vlast' sovetov, 1934. (in Russ.).
2. Andreev, E.M., Darskiy, L.E., Khar'kova, T.D. *Naselenie Sovetskogo Soyuznaya, 1922–1991 gg.* [Population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow: Nauka, 1993. (in Russ.).
3. Antoshkin, A.V. *Nedostatki i narusheniya v sisteme rabochego snabzheniya Bashkirii v pervoy polovine 1930-x gg.* [Drawbacks and violations in the system of Bashkiria working supply in the first half of 1930's]. In: Vestnik YuUrGU. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki». 2017. Vol. 17. No. 1. P. 13–17. (in Russ.).
4. *Golod v SSSR. 1929–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934]. Vol. 2: July 1932 – July 1933. Moscow: MFD, 2012. (in Russ.).
5. Davletshin, P.A. *«Velikij perelom» i tragediya krest'yanstva Bashkortostana*. [The «Great Turning Point» and the tragedy of the Bashkortostan peasantry]. Ufa: Kitap, 1993. (in Russ.).
6. Davies, R.W., Wheatcroft, S.G. *Gody goloda: Sel'skoe khozyajstvo SSSR, 1931–1933* [The Years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933]. Moscow: ROSSPEN, 2011. (in Russ.).
7. Zhiromskaya, V.B. *Golod 1932–1933 gg.: Lyudskie poteri* [Famine of 1932–1933: Human losses]. In: *Golod v SSSR. 1929–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934]. Vol. 3. Moscow: MFD, 2013. P. 651–662. (in Russ.).
8. Ivnitskiy, N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyy Kavkaz, Povolzh'e, Central'no-Chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural* [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central-Chernozem oblast, Western Siberia, Ural]. Moscow: Sobranie, 2009. (in Russ.).
9. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir people]. In 7 vol. Vol. 5. Ufa: Gilem, 2010. (in Russ.).
10. Kondrashin, V.V. *Golod 1932–1933 godov v Rossijskoj Federacii* [Famine of 1932–1933 in the Russian Federation]. In: *Sovremennaya rossijsko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR* [Modern Russian-Ukrainian historiography of the famine of 1932–1933 in the USSR]. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 257–282. (in Russ.).
11. Kondrashin, V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty` (1929–1933 gg.)* [Soviet grain procurement policy during the first 5-year plan and its results]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2014. (in Russ.).
12. Kondrashin, V.V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossijskoj derevni* [Famine of 1932–1933 years: the tragedy of the Russian village]. Moscow: ROSSPEN, 2018. (in Russ.).
13. Kul'sharipov, M.M., Bagautdinov, R.O., Yusupov, R.G. *Analiz bash-kirskoj istorii v kontekste sovetskoy ideologii: popy'tka reanimacii* [Analysis of Bashkir history in the context of soviet ideology: a resuscitation attempt]. In: *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2020. No. 4 (90). P. 16–20. (in Russ.).
14. Nazarenko, N.N., Bashkin, A.V. *Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Nizhnego Povolzhya v period goloda 1932–1933 godov* [Regional features of birth rate and mortality in the Lower Volga region in the famine of 1932–1933's]. In: Samara Journal of Science. 2021. Vol. 10. No. 2. P. 189–199. (in Russ.).
15. Nazarenko, N.N., Bashkin, A.V. *Regional'nye osobennosti rozhdaemosti i smertnosti naseleniya Volgo-Vyatskogo regiona, Srednej Volgi i Orenburzh'ya v period goloda 1932–1933 godov* [Regional features of birth and mortality rate in the Volga-Vyatka, Middle Volga and Orenburg regions during the famine of 1932–1933]. In: Samara Journal of Science. 2021. Vol. 10. No. 4. P. 177–192. (in Russ.).
16. *Naselenie Rossii v XX veke* [The population of Russia in the XX century]. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Rosspen, 2000. 463 p. (in Russ.).
17. Nefedov, S.A. *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization]. Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. 283 p. (in Russ.).
18. Osokina, E.A. *Zhertvy goloda 1933 goda: skol'ko ikh? (Analiz demograficheskoy statistiki CzGANX SSSR)* [Victims of the famine of 1933: how many of them? (Analysis of demographic statistics of the CGANH USSR)]. In: *Istoriya SSSR*. 1991. No. 5. P. 18–26. (in Russ.).
19. Rizvanova, T.R. *Social'no-e'konomicheskie prichiny rasprostraneniya e'pidemiy na Yuzhnom Urale v konce XIX – nachale XX veka* [Socio-economic reasons for the spread of epidemics in the Southern Urals in the late XIX – early XX century]. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No. 28 (166). P. 81–85. (in Russ.).
20. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fond 1562, opis 329, delo 16.

21. *Rossiyskiy gosudarstvenny'y arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fond 1562, opis 329, delo 18.
22. *Rossiyskiy gosudarstvenny'y arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fond 1562, opis 329, delo 28.
23. *Rossiyskiy gosudarstvenny'y arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fond 1562, opis 20, delo 41.
24. *Rossiyskiy gosudarstvenny'y arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fond 1562, opis 329, delo 256.
25. Wheatcroft, S. *Pokazateli demograficheskogo krizisa v period goloda* [Indicators of the demographic crisis in the period of famine]. In: *Golod v SSSR. 1929–1934* [Famine in the USSR. 1929–1934]. Vol. 3. Moscow: MFD, 2013. P. 719–771. (in Russ.).
26. Khilazheva, G.F., Galin, R.A., Shamsutdinova, N.K., Utyasheva, I.B. *Razvitie demograficheskikh issledovaniy v respublike Bashkortostan* [Development of demographic studies in the Republic of Bashkortostan]. In: *Vestnik Akademii Nauk RB*. 2017. Vol. 24. No. 3 (87). P. 63–72. (in Russ.).
27. Chishkova, A.F. *Tempy urbanizacii naseleniya Bashkortostana v 1919–1939 gg. (po materialam perepisi naseleniya)* [Rates of urbanization of Bashkortostan population in 1919–1939's (based on the results of population censuses)]. In: *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2009. No. 3 (45). P. 131–139. (in Russ.).
28. Davies, R.W., Wheatcroft, S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933. <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger> (in English).
29. Levchuk, N., Wolowyna, O., Rudnytskyi, O., Kovbasiuk, A., Kulyk, N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia. In: *Nationalities Papers*. 2020. P. 1–21. (in English).
30. Wheatcroft, S.G., Garnaut, A., O'Grada, C., Bishop, I. Mapping and evaluating the major famines of modern times. In: *Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences*. 2013. P. 11–12. (in English).

DOI 10.24412/2223-0564-2023-2-16-21

УДК 316.334.56

Р.Г. Буканова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК ГОРОДОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА*

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию социокультурного облика городов Урала и Западной Сибири первой четверти XVIII в. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что социокультурное развитие города, независимо от эпохи, носит аксиологический характер, отображающий взаимодействие социума с окружающей городской средой, определяющий уровень комфортности проживания городского населения в рукотворной среде. Соответственно, методологической основой исследования является системный

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720013/22 р_а «Влияние петровских реформ на социокультурное развитие Сибирской губернии»

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права, Уфимский юридический институт МВД России (Уфа), e-mail: brg777.50@mail.ru

Roza G. Bukanova, Dr. Sci. (History), Professor, Department of History and Theory of State and Law, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa), e-mail: brg777.50@mail.ru